

ВНУТРИЛИЧНОСТНАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ЭМПАТИЯ: ФАКТОРЫ И ПРОФИЛИ СВЯЗИ НА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ВЫБОРКЕ

Т.Д. КАРЯГИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), онлайн-школа «Психодемия»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1999-0839>,
e-mail: kartan18@gmail.com

М.А. ЧУМАКОВА

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1769-8268>,
e-mail: mchumakova@hse.ru

Е.С. МАЗАЕВА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5866-4323>,
e-mail: mazaevaes@mgppu.ru

М.А. ТОМЧУК

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-3947>,
e-mail: psy.marina.tom@yandex.ru

Актуальность. Внутриличностная эмоциональная компетентность (ВЭК) — способность к распознаванию, пониманию и регуляции собственных эмоциональных состояний — традиционно рассматривается в качестве фактора как онтогенетического развития эмпатии, так и ее ситуативного проявления. Однако встает вопрос различного уровня и характера источников дефицитов ВЭК и эмпатии и, соответственно, различных способов их компенсации, что имеет особое значение для практики развития эмпатии, в том числе в профессиональном контексте психологического консультирования и психотерапии. **Цель.** Исследование посвящено анализу разнообразия связей между эмпатией, алекситимией как показателем дефицита эмоциональной компетентности в отношении собственных чувств и психологической разумностью (psychological mindedness) как показателем интенциональности в отношении чувств и переживаний. **Материалы и методы.** На совокупной выборке в 1123 человек, включающей представителей трех культур — РФ, Беларуси, Армении — были собраны и проанализированы данные опросника IRI М. Дэвиса для оценки эмпатии, TAS-20 — для измерения алекситимии, ШПР — шкалы психологической разумности. **Результаты.** Показано отсутствие значимых отрицательных связей эмпатии с трудностями осознания и идентификации чувств, устойчивая значимая положительная связь с ними эмпатического личного дистресса, а также внешне-ориентированного мышления с низкой эмпатией. Выявлены 5 кластеров, отражающих различные варианты связи ВЭК и эмпатии. **Выводы.** По результатам исследования можно предположить относительную независимость влияния интенциональности и компетентности/дефицита ВЭК на эмпатию, а также делается вывод о необходимости дальнейшего анализа интенциональности в области переживаний и эмоций

Ключевые слова: алекситимия, психологическая разумность, эмпатия, эмпатический личный дистресс, децентрация, сопереживание, эмпатическая забота, эмоциональная компетентность, дефицит эмоциональной компетентности, регуляция эмпатии, интенциональность в области эмоций и переживаний.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Н.В. Кухтовой, Н.И. Олифирович (Республика Беларусь), а также студентам и магистрантам ФГБОУ ВО МГППУ и НИУ ВШЭ, участвовавшим в сборе и анализе данных.

Для цитаты: *Карягина Т.Д., Чумакова М.А., Мазаева Е.С., Томчук М.А.* Внутриличностная эмоциональная компетентность и эмпатия: факторы и профили связи на мультикультурной выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 4. С. 125—150. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310407>

INTRAPERSONAL EMOTIONAL COMPETENCE AND EMPATHY: FACTORS AND CONNECTION PROFILES IN A MULTICULTURAL SAMPLE

TATIANA D. KARYAGINA

Moscow State University of Psychology and Education,
online-school “Psychodemia”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1999-0839>,

e-mail: kartan18@gmail.com

MARIA A. CHUMAKOVA

National Research University Higher School of economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1769-8268>,

e-mail: mchumakova@hse.ru

EKATERINA S. MAZAEVA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5866-4323>,

e-mail: mazaevaes@mgppu.ru

MARINA A. TOMCHUK

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-3947>,

e-mail: psy.marina.tom@yandex.ru

Relevance. Intrapersonal emotional competence — the ability to recognize, understand and regulate one’s own emotional states — is traditionally considered as a factor in both the ontogenetic development of empathy and its situational manifestation. However, there is a question of different levels and nature of the sources of emotional competence and empathy deficits and, accordingly, different ways to compensate for them, which is of particular importance for the practice of developing empathy, including the professional context of psychological counseling and psychotherapy. **Goal.** The purpose of this study was to analyze the diversity of connections between empathy, alexithymia as an indicator of the deficit of emotional competence in relation to one’s own feelings and psychological mindedness as an indicator of intentionality in relation to feelings and experiences. **Materials and methods.** On a combined sample of 1123 people, including representatives of three cultures — Russia, Belarus, Armenia — data from the IRI questionnaire (empathy), TAS-20 (alexithymia) and “The psychological mindedness scale” were collected and analyzed. **Results.** The absence of significant negative connections of empathy with difficulties of awareness and identification of feelings, a stable significant positive connection with them of empathic personal distress, as well as externally oriented thinking with low empathy were found.

5 clusters have been identified, reflecting different variants of the connection between emotional competence and empathy. **Conclusions.** The conclusion is made about the relative independence of the influence of intentionality and competence/lack of emotional competence on empathy, as well as the need for further analysis of intentionality in the field of experiences and emotions.

Keywords: alexithymia, psychological mindedness, empathy, empathic personal distress, perspective-taking, empathy, empathic concern, emotional competence, lack of emotional competence, regulation of empathy, intentionality in the field of emotions and experiences.

Acknowledgements. The authors are grateful to N.V. Kuchtova, N.I. Olifirovich (Republic of Belarus), the students and undergraduates of MSUPE and HSE who participated in data collection and analysis.

For citation: Karyagina T.D., Chumakova M.A., Mazaeva E.S., Tomchuk M.A. Intrapersonal Emotional Competence and Empathy: Factors and Connection Profiles in a Multicultural Sample. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2023. Vol. 31, no. 4, pp. 125—150. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310407> (In Russ.).

Эмпатия является сложным, комплексным переживанием человека, многоуровнево детерминированным и полимотивированным. Спектр характеристик личности и характера, а также особенностей культуры и воспитания, исследуемых в качестве возможных факторов онтогенеза и ситуационных проявлений эмпатии, чрезвычайно широк.

Предметом исследований авторов являются факторы развития эмпатии, актуальные в контексте консультативной психологии в связи с вопросами развития эмпатии у будущих помогающих специалистов [3; 22]. Помогаящая профессиональная деятельность регулярно ставит перед ее субъектами «задачи» на эмпатию, что вызывает необходимость разработки специальных подходов и методов обучения и супервизии специалистов, профилактики выгорания и т. п.

Мы опираемся на понимание эмпатии как ВПФ, культурно-деятельностный подход к переживанию и эмпатии [3; 4; 6; 8]. Это подразумевает представление о многообразии «...связей эмпатии с процессами, приводящими к результату (достижению эмпатии) при функционировании единого интеллектуально-личностного потенциала человека» [6, с. 57]. Ключевыми процессами в рамках этих методологических оснований рассматривается, во-первых, культурное опосредование эмпатии, во-вторых, развитие эмпатии в деятельности. Профессионализация эмпатии «разворачивает» обычно свернутые и автоматизированные в обыденной жизни процессы [4]. При этом именно собственный эмоциональный опыт, по выражению Ф.Е. Василюка, становится «органом» сопереживания специалиста. Но для этого необходимо определенное качество этого опыта [3].

Такое понимание роли собственного эмоционального опыта для эмпатии профессионала определяет интерес к эмоциональной компетентности (ЭК), которая понимается «как группа развивающихся способностей к саморегуляции и регуляции интерперсональных отношений путем понимания собственных эмоций и эмоций окружающих» [1, с. 169].

Регуляция эмпатии, а также связи эмпатических феноменов и механизмов регуляции эмоций активно исследуются в зарубежной психологии в последние годы. Причина этого вполне понятна: в соответствии с гипотезами нейронаук, механизм эмпатии базируется на принципе зеркального возбуждения тех же отделов мозга, которые задействованы, когда наблюдаемую у другого эмоцию испытывает сам наблюдающий [24]. Таким образом, эмпатия «начинается» с собственного викарного (замещающего) переживания чужой эмоции, а затем во многом автоматический, произвольный викарный отклик «оформляется» (или не оформляется) до высокоуровневого (high order) эмпатического ответа. Возможность регулировать викарно переживаемые состояния выступает фактором, определяющим развитие эмпатических реакций, в том числе просоциального поведения.

В многочисленных исследованиях показана связь высокоуровневой эмпатии с развитой способностью к регуляции эмоций на самых разных выборках [12; 27; 28; 33; 34]. Показано, что стратегии регуляции эмоций опосредуют связь между эмпатией и помогающим поведением [25]. Общая логика такова: развитая эмоциональная регуляция позволяет «отвлечься» от своего собственного дистресса (эмпатический personal distress) и перенаправить внимание на другого человека, испытывающего негативные эмоции или находящегося в трудной ситуации. Особо связь нарушений эмоциональной регуляции и дефицитов эмпатии прослежена на клинических выборках (аутистический, шизотипический спектр, депрессия, нарушения пищевого поведения, личностные расстройства, включая антисоциальное) [10; 17; 21; 23; 29; 32]. В профессиональном контексте показана связь собственного дистресса с трудностями эмоциональной регуляции.

С раннего возраста ребенок во взаимодействии со взрослыми, в поле их разделенных переживаний учится различать, идентифицировать, понимать и как-то относиться к своим внутренним состояниям, возникающим как его собственные или по происхождению эмпатическим, как разделение состояний другого. Роль культурных образцов и норм, транслируемых взрослыми, в зарубежной психологии обычно обозначается как социализация эмоций. Стиль социализации эмоций родителями — позволение выражать свои чувства, их обсуждение или избегание и подавление — прямо связан с эмоциональной компетентностью детей и их эмпатией [28].

Особая роль отводится влиянию речевого опыта. Значительное число исследований раннего онтогенеза эмпатии показывает прямую связь между уровнем эмпатии (эмпатической заботы и эмпатически модулированного просоциального поведения) и уровнем развитости речевых навыков. Показано, что эта связь выявляется при контроле уровня интеллектуального развития [30], является весьма стабильной и прослеживается на протяжении всего дошкольного детства [15; 18].

Алекситимия является концептом, описывающим нарушение способности к осознанию, дифференциации и вербализации эмоций. В данный конструкт включают также так называемое внешне-ориентированное мышление. Оно отражает такую характеристику личности с высокой алекситимией, как трудности ориентации на собственные чувства, принятия их во внимание [13].

Множество исследований показывают связи алекситимии и эмпатии. Продемонстрировано, что неврологические области, связанные с алекситимией и эмпатией в значительной степени совпадают [19]. Важнейшим фактом является найденная в ряде исследований опосредующая роль алекситимии в возникновении эмпатических дефицитов: при аутистических расстройствах и шизофрении проблемы эмпатии наблюдаются только при высоком уровне алекситимии [10].

Однако картина получаемых в исследованиях связей является достаточно неоднозначной. Например, положительные связи с алекситимией найдены как для высокого уровня показателя эмпатического личного дистресса (шкала PD теста IRI М. Дэвиса), так и для нормального и даже низкого [10; 20]. Это ставит вопрос о возможном компенсаторном влиянии на уровень эмпатии факторов другого рода.

Если алекситимия характеризует уровень и качество доступа к собственным эмоциям, то концепт «психологическая разумность» (psychological mindedness) можно оценить как отражающий способность понимать устройство внутреннего мира человека и характеристику интенциональности в сфере эмоций и переживаний: насколько человек ставит целью понимание себя и другого человека, насколько ему интересны переживания в принципе — свои и чужие, насколько он склонен их обсуждать и открыт новому опыту переживаний [7; 11; 14; 16]. Таким образом, данная характеристика является интегративной, объединяя интерес к внутреннему, субъективному миру человека и способность осуществлять рефлекссию своих и чужих чувств, мыслей и поступков. В определенном смысле, она находится «между» операциональными и мотивационными факторами, отражая базовые установки в отношении человеческой субъективности.

Психологическая разумность положительно коррелирует с социальностью, экстротверсией, автономностью и отрицательно — с пассивно-

стью, депрессивностью, нейротизмом и конфликтностью [11]. Исследования показали, что уровень психологической разумности клиента или пациента, в том числе подростка, предсказывает позитивный эффект психотерапии [14; 16]. При этом показано отсутствие связи алекситимии и психологической разумности между собой, но оба параметра оказались связаны с продуктивностью психотерапии для пациента [26].

В профессиональном контексте показано влияние алекситимии и психологической разумности на связь эмпатии и выгорания медицинских сестер. Низкий уровень алекситимии и высокий уровень психологической разумности при этом связывается с позитивными аспектами эмпатии и является предиктором сохранения высокой профессиональной самооценки, а высокий уровень эмпатического личного дистресса связывается с высокой алекситимией, низкой психологической разумностью и является предиктором редукции профессиональных достижений [5]. В то же время исследование на более объемной и однородной по возрасту выборке показало вариативность связей эмпатии, алекситимии и психологической разумности. Были выделены 3 профиля связи: помимо описанных выше двух возможен относительно высокий уровень эмпатии при высокой алекситимии, но при этом высокой психологической разумности [22]. В контексте профпригодности, профобучения специалистов учет такой вариативности чрезвычайно важен, так как отражает многообразие путей развития эмпатии и, соответственно, необходимую вариативность способов компенсации дефицитов и преодоления неизбежных трудностей профессии.

Так, исходя из исследований «негативного» эмпатического феномена — личного дистресса, проводимых в 1980—1990-е годы Ч.Д. Батсоном и его коллегами [13], можно предположить влияние мотивационных факторов на его развитие и существование различных типов личного дистресса — условно «операционального», вызванного дефицитами эмоциональной компетентности, трудностями эмоциональной регуляции, и «мотивационного» — вызванного в большей степени сложностями регуляции «сверху», со стороны мотивационно-ценностной сферы. К такого рода гипотезам нас также приводит опыт обучения эмпатическим навыкам будущих психологов-консультантов.

Таким образом, в общепсихологическом ключе встает вопрос, как реализуется многоуровневая регуляция эмпатии, как взаимодействуют факторы «снизу» и «сверху» в рамках «единого интеллектуально-личностного потенциала человека» (Т.В. Корнилова).

В настоящем исследовании была поставлена цель дальнейшего анализа и уточнения специфики связи эмпатии с алекситимией и психологической разумностью как показателями внутриличностной эмоциональной компетентности и интенциональности в области эмоций и

переживаний. Было выдвинуто предположение, что на более объемной и разнородной выборке будет выявлено большее количество профилей их связи, а также проявится специфика профилей, позволяющая предположить ее источники. Мы поставили следующие исследовательские вопросы: насколько значимы алекситимические дефициты для развития эмпатии и какова роль психологической разумности как показателя интенциональности в отношении человеческой субъективности для развития эмпатии и преодоления дефицитов понимания и регуляции собственных чувств?

Исследование связи эмпатии, алекситимии и психологической разумности

Выборка: в выборку были включены данные, собранные в рамках различных исследований, выполняемых авторами статьи. Структура выборки представлена в табл. 1. Всего в выборку вошло 1123 человека — 222 мужчины и 901 женщина из Российской Федерации (326 человек), Республики Беларусь (716 человек) и Республики Армения (81 человек). Распределение респондентов по специальностям представлено на рис. 1. Как видно из табл. 1, российская подвыборка в целом несколько старше, чем подвыборки из Белоруссии и Армении. Также следует отметить, что в российской подвыборке очень мало мужчин.

Т а б л и ц а 1

Структура выборки

Страна	Пол	N	Возраст: M (SD), лет
Россия	Мужчины	9	35,44 (12,57)
	Женщины	317	25,64 (11,02)
Белоруссия	Мужчины	187	20,49 (2,47)
	Женщины	529	23,09 (5,62)
Армения	Мужчины	26	20,62 (2,40)
	Женщины	55	20,20 (2,49)

Примечание: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

Методы:

1. Опросник «Межличностный Индекс Реактивности» (IRI) М. Дэвиса, адаптированный для русскоязычной выборки, измеряет индивидуальные различия в эмпатии [2]. Опросник состоит из 28 пунктов, разделенных по четырем шкалам:

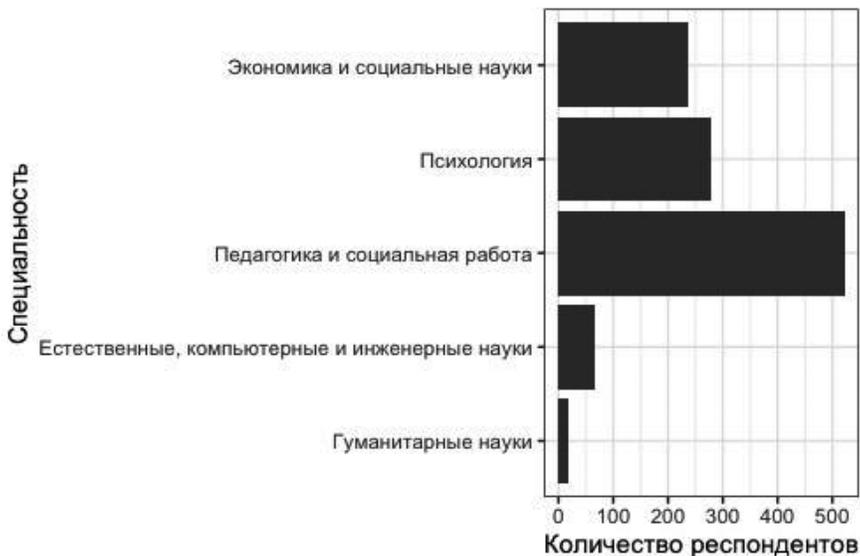

Рис. 1. Распределение респондентов выборки по специальностям

— шкала децентрации (Perspective taking) — оценивает тенденцию понимания, принятия в расчет точки зрения другого человека;

— шкала фантазийного сопереживания (вчувствования) (Fantasy scale) — отражает тенденцию к воображаемому перенесению себя в чувства и действия вымышленных героев книг, фильмов и так далее;

— шкала эмпатической заботы (Empathic concern) — оценивает симпатию и сочувствие к несчастью других, жалость, желание помочь;

— шкала эмпатического дистресса (Personal distress) — измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие как при наблюдении переживаний других людей, так и направленные на себя.

2. Торонтская шкала алекситимии (TAS-20-R), адаптированная в НИПНИ им. Бехтерева, — состоит из одной основной шкалы в 20 вопросов, которая делится на три субшкалы [9]:

— трудности идентификации чувств;

— трудности описания чувств;

— внешне-ориентированное мышление.

3. «Шкала психологической разумности» («The Psychological mindedness scale»). Конструкт психологической разумности отражает степень склонности человека к рефлексии мыслей и чувств своих и других людей [7]. В бланке ответов представлено 45 утверждений и 5 субшкал:

- заинтересованность в сфере субъективных переживаний;
- субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа;
- польза обсуждения собственных переживаний с другими;
- желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими;
- открытость изменениям.

Обработка данных производилась в программной среде R с использованием оболочки RStudio (Version 1.1.383). Для анализа данных использовались корреляционный и факторный анализ, множественная линейная регрессия, кластерный анализ.

Результаты

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона был реализован для общей выборки (1123 респондента) и для каждой из подвыборок по странам. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3. Для интерпретации результатов корреляционного анализа рассматривались только те коэффициенты корреляции, которые превосходили критический размер эффекта для заданной статистической мощности — анализ чувствительности выполнялся с использованием калькулятора мощности G*Power (Version 3.1.9.4). Результаты анализа чувствительности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты анализа чувствительности

Выборка	Количество наблюдений	Ожидаемое p-value (α)	Статистическая мощность (1- β)	Надежный коэффициент корреляции (ρ)
Общая	1123	0,01	0,95	0,1254
Россия	326	0,01	0,95	0,2304
Белоруссия	716	0,01	0,95	0,1567
Армения	81	0,05	0,95	0,3540
Симуляция	150	0,05	0,95	0,3340

Для прояснения корреляционной структуры данных с учетом неравномерного распределения количества респондентов в подвыборках стран нами был использован симуляционный подход. Было реализовано 2000 симуляций сбалансированной по странам выборки. В каждой симуляции из подвыборки каждой страны случайным

образом (функция `sample` базового ядра R) отбиралось по 50 респондентов (с возможностью повторений одного респондента несколько раз). Из отобранных респондентов формировалась выборка в 150 наблюдений для корреляционного анализа. Рассчитанные значения коэффициентов корреляций сохранялись. Итоговое значение коэффициента корреляции между парой переменных рассчитывалось как точечная оценка на основании 2000 сохраненных коэффициентов (функция `ci` пакета `gmodels`). Результаты симуляции также представлены в табл. 3.

Факторный анализ

Полученная корреляционная матрица была подвергнута факторизации методом максимального правдоподобия с применением вращения `varimax` (функция `fa` пакета `psych`). Тест сферичности Кайзера—Мейра—Олкинда (функция `KMO` пакета `psych`) продемонстрировал пригодность корреляционной матрицы для факторного анализа: $MSA = 0,81$. Параллельный анализ с 2000 итерациями (функция `fa.parallel` пакета `psych`) выявил трехфакторную структуру данных. Оценка трехфакторного решения продемонстрировала удовлетворительные индексы пригодности: $TLI = 0,947$, $RMSEA [10\% CI] = 0.057 [0,016 0,089]$. Три выделенных фактора объяснили 52% дисперсии, факторные нагрузки шкал представлены в табл. 4.

Как видно из табл. 4, первый фактор объяснил 26% дисперсии и включил в себя все шкалы опросника «Психологическая разumnosть». Вероятно, данный фактор отражает интенциональный аспект эмоциональной компетентности — значимость и стремление к проявлению, осознанию и рефлексии собственных чувств и переживаний. Второй фактор объяснил 13% дисперсии и включил в себя «позитивные» шкалы эмпатии (децентрации, фантазии и эмпатической заботы), а также заинтересованность в сфере субъективных переживаний и внешне-ориентированное мышление на противоположном полюсе и отражает, таким образом, «позитивные» эмпатические феномены и заинтересованное отношение к сфере эмоций и переживаний, опору на эмоции и внимание к ним. Третий фактор объяснил 13% дисперсии данных и объединил различные проявления дефицита ВЭК и эмпатии — трудности идентификации и осознания чувств и личный дистресс при взаимодействии с интенсивными эмоциями других людей.

По результатам факторного анализа для всех респондентов были рассчитаны факторные значения по трем выделенным факторам. Полученные факторные значения были переведены в z-значения, с использованием среднего и стандартного отклонения.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа (жирным шрифтом отмечены
 размеры эффекта выше уровня чувствительности для статистической
 мощности 95%)

Выборка в нижней половине	Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Выборка в верхней половине
	1. РТ-Децентрация		0,20	0,36	-0,08	-0,13	-0,12	-0,23	-0,22	0,16	0,04	0,13	0,10	0,16	Общая вы- борка
РФ	2. FS-Фантазия	0,17	0,26	0,36	-0,05	-0,12	-0,09	-0,25	-0,22	0,21	0,06	0,15	0,12	0,18	Общая вы- борка
РБ				0,35	0,22	0,04	-0,04	-0,33	-0,16	0,46	0,05	0,32	0,08	0,23	Общая вы- борка
РА		0,16		0,37	0,29	0,11	0,00	-0,41	-0,14	0,51	0,21	0,34	0,28	0,31	Симуляция
РФ	3. ЕС-Эмпатическая забота	0,37	0,34		0,19	0,00	-0,10	-0,19	-0,13	0,25	0,00	0,24	0,11	0,14	Общая вы- борка
РБ			0,30		0,25	0,02	-0,07	-0,21	-0,12	0,20	-0,02	0,17	0,10	0,10	Симуляция
РА		0,37	0,43				0,25	-0,06	0,27	0,24	0,05	0,16	0,06	0,04	Общая вы- борка
РФ	4. РД-Личный ди- стресс	-0,23	0,12	0,04		0,39	0,25	-0,16	0,26	0,32	0,25	0,27	0,28	0,17	Симуляция
РБ		-0,05	0,22	0,21		0,44	0,25	-0,16	0,26	0,32	0,25	0,27	0,28	0,17	Общая вы- борка
РА		0,05	0,29	0,43					0,78	0,13	0,01	0,01	-0,03	0,07	Общая вы- борка
РФ	5. Трудности иденти- фикации чувств (ТИ)	-0,15	0,02	-0,03	0,32		0,54	0,11	0,78	0,13	0,01	0,01	-0,03	0,07	Симуляция
РБ		-0,12	0,04	0,02	0,39		0,59	0,03	0,78	0,18	0,22	0,10	0,15	0,14	Общая вы- борка
РА		-0,12	0,14	0,07	0,49										Симуляция
РФ	6. Трудности осозна- ния чувств (ТОС)	-0,17	-0,10	-0,15	0,27	0,58		0,19	0,75	0,00	-0,02	-0,14	-0,15	-0,03	Общая вы- борка
РБ		-0,11	-0,02	-0,09	0,25	0,51		0,16	0,78	0,02	0,06	-0,09	-0,02	-0,02	Симуляция
РА		-0,01	0,12	0,00	0,27	0,70									Симуляция

Выборка в нижней половине	Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Выборка в верхней половине
РФ	7. Внешне-ориентированное мышление (ВОМ)	-0,14	-0,25	-0,20	-0,06	0,06	0,26		0,61	-0,39	-0,09	-0,27	-0,15	-0,26	Общая вы-борка
РБ		-0,25	-0,31	-0,18	0,01	0,17	0,17		0,56	-0,50	-0,30	-0,36	-0,34	-0,39	Симуляция
РА		-0,36	-0,49	-0,28	-0,07	0,15	0,13								
РФ	8. Алекситимия (СА)	-0,21	-0,15	-0,17	0,23	0,76	0,79	0,63		-0,12	-0,05	-0,18	-0,14	-0,09	Общая вы-борка
РБ		-0,22	-0,14	-0,11	0,30	0,79	0,73	0,63		-0,14	0,00	-0,15	-0,09	-0,12	Симуляция
РА		-0,20	-0,05	-0,06	0,35	0,88	0,83	0,50							
РФ	9. Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	0,12	0,37	0,16	0,18	0,09	-0,07	-0,31	-0,13		0,19	0,53	0,13	0,50	Общая вы-борка
РБ		0,13	0,42	0,24	0,18	0,13	0,02	-0,34	-0,09		0,54	0,64	0,50	0,67	Симуляция
РА		0,37	0,43	0,19	0,12	0,01	0,08	-0,43	-0,12						
РФ	10. Субъективная доступность сферы переживаний для по-нимания и анализа	0,14	-0,12	0,04	-0,15	-0,19	-0,13	0,08	-0,1	-0,22		0,20	0,37	0,27	Общая вы-борка
РБ		-0,03	-0,11	-0,06	-0,13	-0,14	-0,06	0,10	-0,06	-0,17		0,54	0,71	0,64	Симуляция
РА		-0,14	-0,13	-0,23	0,15	0,48	0,28	0,08	0,41	0,22					
РФ	11. Польза обуз-дения собственных переживаний с другими людьми	0,08	0,15	0,20	0,01	-0,15	-0,27	-0,14	-0,25	0,34	-0,09		0,32	0,39	Общая вы-борка
РБ		0,10	0,29	0,22	0,13	0,02	-0,11	-0,25	-0,16	0,47	-0,19		0,61	0,62	Симуляция
РА		0,18	-0,07	0,04	0,15	0,08	-0,03	0,04	0,05	0,17	0,11				
РФ	12. Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими	0,13	-0,04	0,19	0,00	-0,20	-0,36	-0,16	-0,32	0,04	-0,04	0,36		0,40	Общая вы-борка
РБ		0,06	-0,09	0,04	-0,12	-0,09	-0,17	0,02	-0,09	-0,24	-0,04	-0,01		0,60	Симуляция
РА		0,09	0,26	0,06	0,28	0,26	0,33	0,00	0,28	0,14	0,30	0,18			
РФ	13. Открытость из-менениям, даже если они сопряжены с риском	0,23	0,19	0,10	-0,14	-0,10	-0,13	-0,18	-0,19	0,34	-0,01	0,28	0,06		Общая вы-борка
РБ		0,12	0,16	0,15	0,00	0,09	0,00	-0,19	-0,04	0,39	-0,12	0,23	0,25		Симуляция
РА		0,17	-0,06	0,04	-0,16	-0,01	-0,05	-0,04	-0,04	0,32	0,17	0,21	-0,08		

Таблица 4

Факторные нагрузки

Шкала	Ф1	Ф2	Ф3
PT-Децентрация	0,090	0,404	-0,129
FS-Фантазия	0,244	0,651	0,129
ЕС-Эмпатическая забота	-0,008	0,547	0,044
PD-Личный дистресс	0,218	0,249	0,476
Трудности идентификации чувств (ТИ)	0,125	-0,040	0,877
Трудности осознания чувств (ТОЧ)	-0,055	-0,126	0,675
Внешне-ориентированное мышление (ВОМ)	-0,383	-0,471	0,077
Заинтересованность в сфере субъективных переживаний	0,654	0,488	0,135
Субъективная доступность сферы переживаний для понимания и анализа	0,841	-0,041	0,137
Польза обсуждения собственных переживаний с другими людьми	0,699	0,301	0,028
Желание и готовность обсуждать свои проблемы с окружающими	0,786	0,088	0,064
Открытость изменениям, даже если они сопряжены с риском	0,769	0,223	0,048
% объясненной дисперсии	25,9	13,1	12,8

Кластерный анализ

Для выявления устойчивых сочетаний факторных значений был использован иерархический кластерный анализ методом Варда на основе манхэттенской матрицы расстояний между наблюдениями. Для интерпретации рассматривались решения от 2 до 6 кластеров. Распределение наблюдений в кластеры представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение наблюдений в кластеры при разных кластерных решениях

Модель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5	Кластер 6
6	188	231	252	232	156	64
5	188	231	252	388		64
4	419		252	388		64
3	419		640			64
2	419		704			

Как видно из табл. 5, наименьший кластер, состоящий из 64 наблюдений, демонстрирует высокую устойчивость при укрупнении групп. Для

интерпретации было выбрано пятикластерное решение, так как при визуальном анализе различий в параметрах кластеризации именно это решение давало наибольшее количество различий по каждому из трех параметров-факторов. Результаты кластеризации представлены на рис. 2.

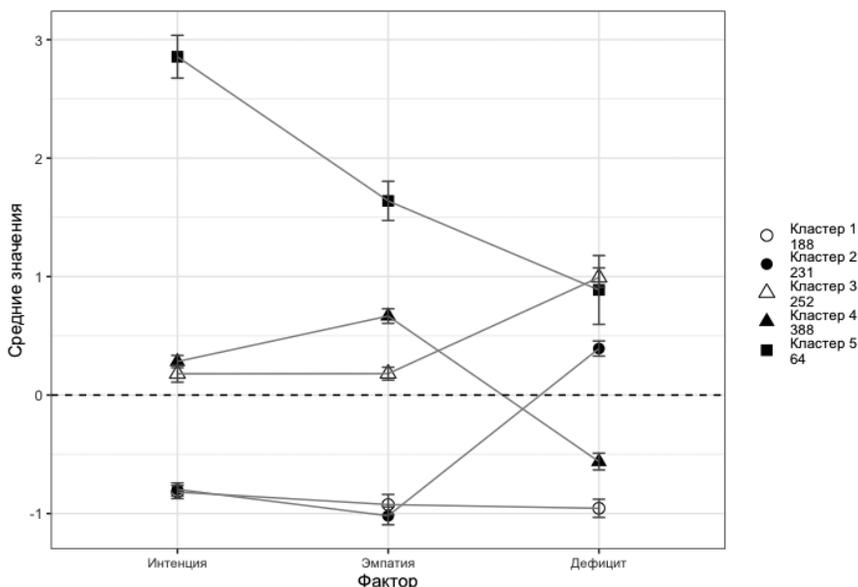

Рис. 2. Средние факторные значения в группах респондентов для пятикластерного решения

Как видно из рис. 2, кластеры 1–2 и 3–4 можно рассматривать как парные, различающиеся показателем Дефицита. Кластер 5 при этом демонстрирует существенное отличие в паттерне сочетания параметров от четырех других кластеров. Анализ вошедших в кластер наблюдений показывает, что из 64 респондентов 61 человек — из подвыборки Армении. Предположительно, специфическая конфигурация и устойчивость кластера 5 отражает культуральную специфику эмоциональной компетентности (и представлений о ней, отражаемых в самоотчетных опросниках). Для парных кластеров 1–2 и 3–4 можно обратить внимание на согласованность уровня Интенции и Эмпатической компетентности (низкий для первой пары и средний для второй пары кластеров). Однако уровень Дефицита в обеих парах ниже в той группе, где соотношение Интенции и Компетентности оказывается больше в пользу последней.

Для проверки этого предположения был вычислен индекс разницы между факторными значениями Интенции и Компетентности и использова-

ли его в качестве предиктора в линейной регрессии для предсказания значений по фактору Дефицита. Результаты представлены на рис. 3. Гипотеза о наличии связи между соотношением Интенция—Компетентность и Дефицитом подтвердилась: чем больше стремление к пониманию и реализации своих переживаний (Интенция) превышает имеющийся уровень эмпатии и опоры на эмоции (Компетентность), тем в большей степени вероятно проявление эмоциональных затруднений (Дефицит).

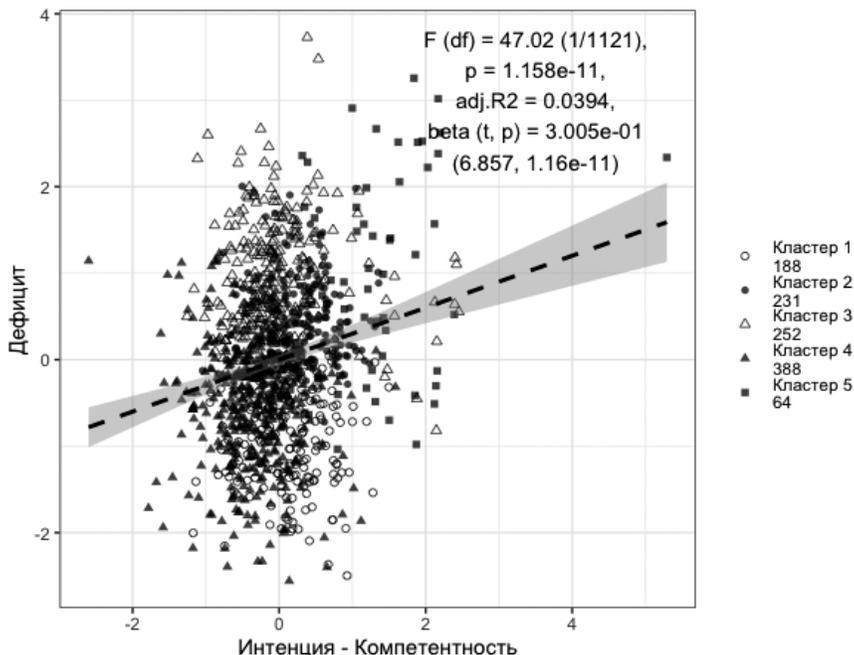

Рис. 3. Связь Дефицита и разницы между Интенцией и Компетентностью

Обсуждение результатов

Структура корреляционных связей в этом исследовании в целом подтверждает отмеченную нами неоднозначность связи эмпатии и алекситимии. Позитивные феномены эмпатии связаны негативно, но не значимо с трудностями осознания и идентификации чувств как на объемной общей выборке, включая симуляционную, так и на выборках отдельных стран. То есть трудности осознания и понимания своих чувств не приводят однозначно к снижению сопереживания, эмпатической заботы и (в меньшей степе-

ни) децентрации. При этом негативный эмпатический феномен — высокий личный дистресс в ситуациях проявления интенсивных чувств другими людьми — демонстрирует в большинстве случаев высокую положительную связь со всеми параметрами алекситимии. Трудности осознания и идентификации чувств вместе с высоким личным дистрессом, как и в нашем предыдущем исследовании [5], вошли в отдельный фактор, который мы обозначили как «дефицит эмоциональной компетентности и эмпатии». Таким образом, можно говорить о достаточной устойчивости связи дефицитов понимания собственных чувств и испытываемых трудностей эмпатии в ситуации негативных чувств другого. Это объясняет выраженность связи эмпатии и алекситимии на клинических выборках [10; 23; 29].

Значимые негативные связи выявлены между шкалами позитивных феноменов эмпатии и шкалой внешне-ориентированного мышления опросника алекситимии. Внешне-ориентированное мышление является самым «интенциональным» компонентом в структуре алекситимии, отражая степень склонности к ориентации на эмоции и принятию их во внимание. Оно выступает в структуре связей в некотором смысле ядром: с ним наиболее связаны (отрицательно) как показатели эмпатии, так и показатели психологической разумности. Это подтверждает и факторный анализ — именно этот показатель вошел с отрицательным знаком в структуру фактора, который мы обозначили как «эмпатический».

Выделение всех параметров психологической разумности в отдельный фактор, проявление в данном исследовании пар профилей, согласованных по уровню интенциональности и эмпатии и отличающихся по уровню дефицита ЭК, свидетельствует, на наш взгляд, об особом значении фактора интенциональности для развития эмпатии. Характерны и кросскультурные различия, наиболее проявившиеся именно по связям шкал психологической разумности, в том числе и между собой — интенциональность, вероятно, в большей степени подвержена культурному влиянию.

Таким образом, эмпатия фактически выступает единым фактором с интересом и вниманием к сфере переживаний и эмоций. Эта связь, вероятно, является более значимой для развития позитивных эмпатических феноменов — децентрации, сопереживания и эмпатической заботы, чем отсутствие алекситимии. Однако дефициты ВЭК могут сказаться на уровне регуляции эмпатии (проявления высокого личного дистресса). Фактически, полученные парные профили могут отражать пары эмпатии как «нерегулируемая (высокий дефицит ВЭК и личный дистресс) — регулируемая (низкий дефицит ВЭК и личный дистресс)».

Подтверждая данные об отсутствии связи психологической разумности с алекситимией [26], данные этого исследования также свидетельствуют в пользу относительной независимости этих конструктов: у психологической разумности нет значимых связей с трудностями осоз-

навания и идентификации чувств, наблюдается только отрицательная связь четырех из пяти шкал опросника психологической разумности с внешне-ориентированным мышлением. Можно предположить, что достаточно высокий интерес к субъективному миру в случае явных дефицитов его понимания является в определенном смысле компенсаторным, выступает в качестве средства преодоления этих дефицитов, психологическая разумность «ведет за собой» развитие эмпатии, «подтягивает» ее. Это может отражать найденная закономерность: наличие дефицитов ВЭК и регуляции эмпатии наиболее вероятно в случае превышения уровня интенции над эмпатической компетентностью. Однако вероятно и объяснение с точки зрения разделения внутриличностных и межличностных аспектов: дефициты ВЭК → повышенное внимание к себе, к своим внутренним состояниям → дефицит внимания к другому → более низкий уровень позитивных феноменов эмпатии по сравнению с обращенностью к своему внутреннему миру. В этом случае специфическая по причине дефицитов ВЭК психологическая разумность «опускает» эмпатию. Таким образом, следующим шагом для понимания структурных связей ЭК является дифференциация внутриличностной и межличностной интенциональности, выявления вклада мотивационной ориентированности на другого человека в регуляцию эмпатии.

Развернутый кросскультурный анализ полученных результатов не входил в задачи данного исследования. Мы остановились на них лишь в связи с тем, что культурное сравнение раскрывает различные пути связи и возможного взаимовлияния эмоциональной компетентности и эмпатии. Культурная специфика, вероятно, играет важную роль в формировании соотношения и уникальной конфигурации связей интенциональности в сфере чувств и эмоций и эмпатии. Это подтверждается в итоговом сходстве результатов российской и белорусской выборки, имеющих в основных чертах сходную эмоциональную культуру, в отличие от более экспрессивной армянской. Представляется перспективным кросскультурное сравнение именно с учетом параметра экспрессивности и выделение различных типов интенции в отношении сферы эмоций и переживаний — условно «экспрессивной» и «аналитической», связанной с выражением и обсуждением чувств и эмоций и их рефлексией и пониманием. В этом аспекте характерен высокий уровень дефицитов ВЭК для культурно специфичного кластера 5 при высоких значениях интенциональности и эмпатии.

Ограничения выводов исследования

Основной задачей исследования было получить наибольшую вариативность профилей связи эмпатии, алекситимии и психологической

разумности. Общий объем выборки и наличие в ней значительно различающихся культурально подвыборок способствовали решению данной задачи. Однако сами подвыборки значительно отличаются объемом и гендерной представленностью, что затрудняет формулирование выводов о конкретных предикторах того или иного профиля.

Выводы

1. Предположение о том, что на значительной по объему и разнообразной мультикультурной выборке проявится большее количество профилей связи эмпатии, алекситимии и психологической разумности, подтвердилось. Появление парных профилей, диаметрально отличающихся уровнем дефицита внутриличностной эмоциональной компетентности, но относительно близких по другим параметрам, свидетельствует о вариативности путей обретения эмпатической компетентности. При этом закономерность «чем выше алекситимические дефициты, тем ниже эмпатия» не сохраняется во всех случаях, что объясняет разнородность данных связи эмпатии и алекситимии, отмечаемую исследователями.

2. Данное исследование в целом показало особое значение психологической разумности в структуре связей эмпатии и эмоциональной компетентности. Мы предполагали, опираясь на предыдущие исследования, ее роль как опосредующей связи эмпатии и алекситимии. Результаты нашего исследования позволяют поставить вопрос иначе: возможно, уровень одного из них «задает» диапазон развития другого. При этом было выявлено специфическое влияние «экспрессивной» интенции в отличие от «аналитической», позволяющее развивать высокую эмпатию несмотря на высокий уровень дефицита понимания и анализа чувств.

3. Выявлены значительные кросс-культурные различия, которые отражают различия в области «экспрессивной» интенциональности. Полноценный кросс-культурный анализ не входил в задачи данной статьи, поэтому сравнение культур, различающихся по конфигурации «аналитической» и «экспрессивной» интенциональности, представляет значительный интерес для дальнейшего исследования.

4. Полученные в исследовании профили связи эмпатии, психологической разумности и алекситимии позволяют говорить об определенной степени независимости влияния на развитие эмпатии параметров интенциональности и уровня компетентности или дефицита в сфере понимания собственных чувств. При этом, в целом, полученные данные демонстрируют значение для эмпатии и того и другого — как конкретных дефицитов эмоциональной компетентности самих по себе, так

и обращенности к внутреннему миру человека — в принципе. Важным вопросом представляется прояснение мотивационных аспектов этой обращенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева И.Н.* Модели эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія.* 2018. Том 8. № 3. С. 163—172.
2. *Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д.* Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // *Консультативная психология и психотерапия.* 2013. Том 21. № 1. С. 202—227.
3. *Василюк Ф. Е.* Сопереживание как центральная категория понимающей психотерапии // *Консультативная психология и психотерапия.* 2016. Том 24. № 5. С. 205—227. DOI:10.17759/cpp.2016240511
4. *Карягина Т.Д.* Профессионализация эмпатии: постановка проблемы // *Консультативная психология и психотерапия.* 2015. Том 23. № 5. С. 235—256. DOI:10.17759/cpp.2015230511
5. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В., Олифиревич Н.И., Шермазян Л.Г.* Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов // *Консультативная психология и психотерапия.* 2017. Том 25. № 2. С. 39—58. DOI:10.17759/cpp.2017250203
6. *Корнилова Т.В.* Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство аффекта и интеллекта // *Психологический журнал.* 2022. Том 43. № 3. С. 57—68. DOI:10.31857/S020595920020496-1
7. *Новикова М.А., Корнилова Т.В.* «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // *Психологический журнал.* 2014. № 1. С. 95—110.
8. *Нуркова В.В.* Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // *Национальный психологический журнал.* 2020. № 4 (40). С. 1—15. DOI:10.11621/npj.2020.0401
9. *Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бобров А.Е., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., Боброва М.А., Ивашкина М.Г., Кривчикова М.Н., Шаврикова Е.П., Бэзби Р.М.* Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2010. Том 20. № 4. С. 31—38.
10. *Aaron R.V., Benson T.L., Park S.* Investigating the role of alexithymia on the empathic deficits found in schizotypy and autism spectrum traits // *Personality and Individual Differences.* 2015. Vol. 77. P. 215—220. DOI:10.1016/j.paid.2014.12.032
11. *Appelbaum S.A.* Psychological-mindedness: word, concept and essence // *International journal of psychoanalysis.* 1997. Vol. 54 (1). P. 35—46.
12. *Ardenghi S., Russo S., Bani M., Rampoldi G., Strepparava M.G.* The role of difficulties in emotion regulation in predicting empathy and patient-centeredness in pre-clinical medical students: a cross-sectional study // *Psychology, Health & Medicine.* 2021. Vol. 9. P. 1—15. DOI:10.1080/13548506.2021.2001549

13. *Batson D.C., Fultz A., Schoenrade M.* Distress and Empathy: two qualitatively Distinct Vicarious Emotions with Different Motivational Consequences // *Journal of personality*. 1987. Vol. 55 (1). P. 19—39. DOI:10.1111/j.1467-6494.1987.tb00426.x
14. *Boylan M.B.* Psychological mindedness as a predictor of treatment outcome with depressed adolescents. Dr. Sci. (Psychology) diss., 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://d-scholarship.pitt.edu/6812/1/MMBoylanETD.pdf> (дата обращения 12.06.23)
15. *Conte E., Ornaghi V., Grazzani I., Pepe A., Cavioni V.* Emotion knowledge, theory of mind, and language in young children: testing a comprehensive conceptual model // *Frontiers Psychology*. 2019. Vol. 10. e2144. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02144
16. *Conte H.R., Ratto R., Karusa T.* The Psychological Mindedness Scale: Factor structure and relationship to outcome of psychotherapy // *Journal of Psychotherapy Practice and Research*. 1996. Vol. 5 (3). P. 250—259.
17. *Decety J., Moriguchi Y.* The empathic brain and its dysfunction in psychiatric populations: implications for intervention across different clinical conditions // *BioPsychoSocial Medicine*. 2007. Vol. 1 (22). DOI:10.1186/1751-0759-1-22
18. *Girard L., Pingault J., Doyle O., Falissard B., Tremblay R.E.* Expressive language and prosocial behaviour in early childhood: longitudinal associations in the UK Millennium Cohort Study // *European Journal of Developmental Psychology*. 2017. Vol.14. P. 381—398. DOI:10.1080/17405629.2016.1215300
19. *Goerlich-Dobre K.S., Lamm C., Prippl J., Habel U., Votinov M.* The left amygdala: A shared substrate of alexithymia and empathy // *NeuroImage*. 2015. Vol. 122. P. 20—32. DOI:10.1016/j.neuroimage.2015.08.014
20. *Guttman H.A., Laporte L.* Alexithymia, empathy, and psychological symptoms in a family context // *Comprehensive Psychiatry*. 2002. Vol. 43 (6). P. 448—455. DOI.org/10.1053/comp.2002.35905
21. *Hoffmann F., Banzhaf C., Kanske P., Gärtner M., Bermpohl F., Singer T.* Empathy in depression: Egocentric and altercentric biases and the role of alexithymia // *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 199. P. 23—29. DOI:10.1016/j.jad.2016.03.007
22. *Karyagina T.D., Chumakova M.A.* Empathy, Alexithymia, And Psychological Mindedness: the Latent Profile Analysis // *Proceedings of the International Conference on Psychology and Education (ICPE 2018)*, 25—26 June, 2018, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Russia. 2018. P. 263—274. DOI:10.15405/epsbs.2018.11.02.29
23. *Keyzers K., Meffert H., Gazzola V.* Reply: Spontaneous versus deliberate vicarious representations: different routes to empathy in psychopathy and autism // *Brain*. 2014. Vol. 137. № 4. P. 273. DOI:10.1093/brain/awt376
24. *Lamm C., Majdandzic J.* The role of shared neural activations, mirror neurons, and morality in empathy — A critical comment // *Neuroscience Research*. 2015. Vol. 90. P. 15—24. DOI:10.1016/j.neures.2014.10.008
25. *Lockwood P.L., Seara-Cardoso A., Viding E.* Emotion Regulation Moderates the Association between Empathy and Prosocial Behavior // *PLoS One*. 2014. Vol. 9. № 5. e96555. DOI:10.1371/journal.pone.0096555
26. *McCallum M., Piper W.E., Ogrodniczuk E. J.S., Joyce A.S.* Relationships among psychological mindedness, alexithymia and outcome in four forms of short-term

- psychotherapy // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*. 2003. Vol. 76. P. 133—144. DOI:10.1348/147608303765951177
27. *Olalde-Mathieu V.E., Licea-Haquet G., Reyes-Aguilar A., Barrios F.A.* Psychometric properties of the Emotion Regulation Questionnaire in a Mexican sample and their correlation with empathy and alexithymia // *Cogent Psychology*. 2022. Vol. 9 (1). P. 1—11. DOI:10.1080/23311908.2022.2053385
  28. *Ornaghi V., Conte E., Grazzani I.* Empathy in Toddlers: The Role of Emotion Regulation, Language Ability, and Maternal Emotion Socialization Style // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article 586862. DOI:10.3389/fpsyg.2020.586862
  29. *Powell Ph. A.* Individual differences in emotion regulation moderate the associations between empathy and affective distress // *Motivation and Emotion*. 2018. Vol. 42 (4). P. 602—613. DOI:10.1007/s11031-018-9684-4
  30. *Rhee S.H., Boeld D.L., Friedman N.P., Corley R.P., Hewitt J.K., Knafo A., Waldman L.D., Young S.E., Robinson J., Van Hulle C.A., Zahn-Waxler C.* The role of language in concern and disregard for others in the first year of life // *Developmental Psychology*. 2013. Vol. 49. (2). P. 197—214. DOI:10.1037/a0028318
  31. *Samur D., Tops M., Schlinkert C., Quirin M., Cuijpers P., Koole S.L.* Four decades of research on alexithymia: moving toward clinical applications // *Frontiers in psychology*. 2013. Vol. 4. Article 861. DOI:10.3389/fpsyg.2013.00861
  32. *Saure E., Raevuori A., Laasonen M., Lepistö-Paisley T.* Emotion recognition, alexithymia, empathy, and emotion regulation in women with anorexia nervosa. Eating and Weight Disorders // *Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*. 2022. Vol. 27 (1). P. 1—11. DOI:10.1007/s40519-022-01496-2
  33. *Schipper M., Petermann F.* Relating empathy and emotion regulation: Do deficits in empathy trigger emotion dysregulation? // *Social neuroscience*. 2013. Vol. 8. № 1. P. 101—107. DOI:10.1080/17470919.2012.761650
  34. *Zahn-Waxler C., Knafo A., Van Hulle C.A., Robinson J., Rhee S.H.* The developmental origins of a disposition toward empathy genetic and environmental contributions // *Emotion*. 2008. Vol. 8 (6). P. 737—752. DOI:10.1037/a0014179

REFERENCES

1. Andreeva I.N. Modeli emocional'nogo intellekta i emocional'noj kompetentnosti [Models of Emotional Intelligence and Emotional Competence]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhajnaga yuniversiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 3. Filalogiya. Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of Grodno State University named after Yanki Kupala. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology], 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 163—172. (In Russ., abstr. In Engl.).
2. Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D. Adaptaciya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisavv [Adaptation of the M. Davis multifactorial empathy questionnaire]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013. Vol.21, no.1, pp. 202—227. (In Russ., abstr. In Engl.).
3. Vasilyuk F.E. Soperezhivaniya kak central'naya kategoriya ponimayushchej psihoterapii [Empathy as a central category of understanding psychotherapy]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 5, pp. 205—207. DOI:10.17759/cpp.2016240511. (In Russ., abstr. In Engl.).
4. Karyagina T.D. Professionalizaciya empatii: postanovka problem [Professionalization of empathy: problem statement]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*

- [*Counseling psychology and psychotherapy*], 2015. Vol. 23, no. 5, pp. 235—256. DOI:10.17759/cpp.2015230511 (In Russ., abstr. In Engl.).
5. Karyagina T.D., Kuhtova N.V., Olifirovich N.I., SHERmazanyan L.G. Professionalizatsiya empatii i prediktory vygoraniya pomogayushchih specialistov [Professionalization of empathy and predictors of burnout of helping professionals]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya* [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2017. Vol. 25, no. 2., pp. 39—58. DOI:10.17759/cpp.2017250203. (In Russ., abstr. In Engl.).
  6. Kornilova T.V. Empatiya v strukturah intellektual'no-lichnostnogo potentsiala: edinstvo affekta i intellekta [Empathy in the structures of intellectual and personal potential: the unity of affect and intellect]. *Psikhologicheskij zhurnal* [*Psychological Journal*], 2022. Vol. 43, no. 3, pp. 57—68. DOI:10.31857/S020595920020496-1. (In Russ., abstr. in Engl.).
  7. Novikova M.A., Kornilova T.V. «Psikhologicheskaya razumnost'» v strukture intellektual'no-lichnostnogo potentsiala (adaptatsiya oprosnika) [“Psychological mindedness” in the structure of intellectual and personal potential (adaptation of questionnaire)]. *Psikhologicheskii Zhurnal* [*Psychological Journal*], 2014. Vol. 35, no. 1, pp. 95—110. (In Russ., abstr. in Engl.).
  8. Nurkova V.V. Kul'turnoe razvitiye empatii-otozhdstvleniya i empatii-modelirovaniya [Cultural development of empathy-identification and empathy-modeling]. *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal* [*National Psychological Journal*], 2020. Vol. 40, no. 4, pp. 3—17. DOI:10.11621/npj.2020.0401. (In Russ., abstr. in Engl.).
  9. Starostina E.G., Teilor G.D., Kvilti L.K., Bobrov A.E., Moshnyaga E.N., Puzyreva N.V., Bobrova M.A., Ivashkina M.G., Krivchikova M.N., Shavrikova E.P., Begbi R.M. Torontskaya shkala aleksitimii (20 punktov): validatsiya russkoyazychnoi versii na vyborke terapevticheskikh bol'nykh [A new 20-item version of the Toronto Alexithymia Scale: validation of the Russian language translation in a sample of medical patients]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya* [*Social and clinical psychiatry*], 2010. Vol. 20, no. 4, pp. 31–38. (In Russ., abstr. in Engl.).
  10. Aaron R.V., Benson T.L., Park S. Investigating the role of alexithymia on the empathic deficits found in schizotypy and autism spectrum traits. *Personality and Individual Differences*, 2015. No. 77, pp. 215–220. DOI:10.1016/j.paid.2014.12.032
  11. Appelbaum S.A. Psychological-mindedness: word, concept and essence. *International journal of psychoanalysis*, 1973. Vo.54, no. 1, pp. 35–46.
  12. Ardenghi S., Russo S., Bani M., Rampoldi G., Strepparava M.G. The role of difficulties in emotion regulation in predicting empathy and patient-centeredness in pre-clinical medical students: a cross-sectional study. *Psychology, Health & Medicine*, 2021. Nov 9, pp. 1-15. DOI:10.1080/13548506.2021.2001549
  13. Batson D.C, Fultz A., Schoenrade M., Distress and Empathy: two qualitatively Distinct Vicarious Emotions with Different Motivational Consequences. *Journal of personality*, 1987. Vol. 55, no. 1, pp. 19–39. DOI:10.1111/j.1467-6494.1987.tb00426.x
  14. Boylan M.B. Psychological mindedness as a predictor of treatment outcome with depressed adolescents. Dr. Sci. (Psychology) diss., 2006. URL: <http://d-scholarship.pitt.edu/6812/1/MMBoylanETD.pdf> (Accessed 12.06.23)
  15. Conte E., Ornaghi V., Grazzani I., Pepe A., Cavioni V. Emotion knowledge, theory of mind, and language in young children: testing a comprehensive conceptual model. *Frontiers Psychology*, 2019. Vol. 10 (2144). DOI:10.3389/fpsyg.2019.02144

16. Conte H.R., Ratto R., Karusa T. The Psychological Mindedness Scale: Factor structure and relationship to outcome of psychotherapy. *Journal of Psychotherapy Practice and Research*, 1996. Vol. 5, no. 3, pp. 250—259.
17. Decety J., Moriguchi Y. The empathic brain and its dysfunction in psychiatric populations: implications for intervention across different clinical conditions. *BioPsychoSocial Medicine*, 2007. Vol. 1 (22). DOI:10.1186/1751-0759-1-22
18. Girard L., Pingault J., Doyle O., Falissard B., Tremblay R.E. Expressive language and prosocial behaviour in early childhood: longitudinal associations in the UK Millennium Cohort Study. *European Journal of Developmental Psychology*, 2017. Vol. 14, № 4, pp. 381—398. DOI:10.1080/17405629.2016.1215300
19. Goerlich-Dobre K.S., Lamm C., Pripfl J., Habel U., Votinov M. The left amygdala: A shared substrate of alexithymia and empathy. *NeuroImage*, 2015. Vol. 122, pp. 20—32. DOI:10.1016/j.neuroimage.2015.08.014
20. Guttman H.A., Laporte L. Alexithymia, empathy, and psychological symptoms in a family context. *Comprehensive Psychiatry*, 2002. Vol. 43, № 6, pp. 448—455. DOI:10.1053/comp.2002.35905
21. Hoffmann F., Banzhaf C., Kanske P., Gärtner M., Bermpohl F., Singer T. Empathy in depression: Egocentric and altercentric biases and the role of alexithymia. *Journal of Affective Disorders*, 2016. Vol. 199, pp. 23—29. DOI:10.1016/j.jad.2016.03.007
22. Karyagina T.D., Chumakova M.A. Empathy, Alexithymia, And Psychological Mindedness: the Latent Profile Analysis. Proceedings of the International Conference on Psychology and Education (ICPE 2018), 25—26 June, 2018, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Russia. 2018, pp. 263—274. DOI:10.15405/epsbs.2018.11.02.29
23. Keyzers K., Meffert H., Gazzola V. Reply: Spontaneous versus deliberate vicarious representations: different routes to empathy in psychopathy and autism. *Brain*, 2014. Vol. 137, vol. 4, pp. 273. DOI:10.1093/brain/awt376
24. Lamm C., Majdandzic J. The role of shared neural activations, mirror neurons, and morality in empathy — A critical comment. *Neuroscience Research*, 2015. Vol. 90, pp. 15—24. DOI:10.1016/j.neures.2014.10.008
25. Lockwood P.L., Seara-Cardoso A., Viding E. Emotion Regulation Moderates the Association between Empathy and Prosocial Behavior. *PLoS One*, 2014. Vol. 9 (5): e96555. DOI.org/10.1371/journal.pone.0096555
26. McCallum M., Piper W.E., Ogrodniczuk J.S., Joyce A.S. Relationships among psychological mindedness, alexithymia and outcome in four forms of short-term psychotherapy. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 2003. Vol. 76, pp. 133—144. DOI:10.1348/147608303765951177
27. Olalde-Mathieu V.E., Licea-Haquet G., Reyes-Aguilar A., Barrios F.A. Psychometric properties of the Emotion Regulation Questionnaire in a Mexican sample and their correlation with empathy and alexithymia. *Cogent Psychology*, 2022. Vo. 9 (1), pp. 1—11. DOI.org/10.1080/23311908.2022.2053385
28. Ornaghi V., Conte E., Grazzani I. Empathy in Toddlers: The Role of Emotion Regulation, Language Ability, and Maternal Emotion Socialization Style. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11 (586862). DOI:10.3389/fpsyg.2020.586862

29. Powell Ph.A. Individual differences in emotion regulation moderate the associations between empathy and affective distress. *Motivation and Emotion*, 2018. Vol. 42, no. 4, pp. 602—613. DOI:10.1007/s11031-018-9684-4
30. Rhee S.H., Boeld D.L., Friedman N.P., Corley R.P., Hewitt J.K., Knafo A., Waldman L.D., Young S.E., Robinson J., Van Hulle C.A., Zahn-Waxler C. The role of language in concern and disregard for others in the first year of life. *Developmental Psychology*, 2013. Vol. 49, iss. 2, pp. 197—214. DOI:10.1037/a0028318
31. Samur D., Tops M., Schlinkert C., Quirin M., Cuijpers P., Koole S.L. Four decades of research on alexithymia: moving toward clinical applications. *Frontiers in psychology*, 2013. Vol. 4. DOI:10.3389/fpsyg.2013.00861
32. Saure E., Raevuori A., Laasonen M., Lepistö-Paisley T. Emotion recognition, alexithymia, empathy, and emotion regulation in women with anorexia nervosa. *Eating and Weight Disorders — Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*, 2022. Vol. 27 (1), pp. 1—11. DOI:10.1007/s40519-022-01496-2
33. Schipper M., Petermann F. Relating empathy and emotion regulation: Do deficits in empathy trigger emotion dysregulation? *Social neuroscience*, 2013. Vol. 8, No. 1, 101—107. DOI.org/10.1080/17470919.2012.761650
34. Zahn-Waxler C., Knafo A., Van Hulle C.A., Robinson J., Rhee S.H. The developmental origins of a disposition toward empathy: genetic and environmental contributions. *Emotion*, 2008. Vol. 8, no. 6, pp. 737—752. DOI:10.1037/a0014179

Информация об авторах

Карягина Татьяна Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), научный консультант онлайн-школы «Психодемия», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1999-0839>, e-mail: kartan18@gmail.com

Чумакова Мария Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1769-8268>, e-mail: mchumakova@hse.ru

Мазаева Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5866-4323>, e-mail: mazaevaes@mgppu.ru

Томчук Марина Анатольевна, магистр психологии, выпускница магистерской программы «Детская и семейная психотерапия» факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), частнопрактикующий психотерапевт, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-3947>, e-mail: psy.marina.tom@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana D. Karyagina, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, researcher, online-school «Psychodemia», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1999-0839>, e-mail: kartan18@gmail.com

Maria A. Chumakova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1769-8268>, e-mail: mchumakova@hse.ru

Ekaterina S. Mazaeva, senior lecturer of the Department of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5866-4323>, e-mail: mazaevaes@mgppu.ru

Marina A. Tomchuk, Master of psychology, graduate of the Master's degree program «Children's and family psychotherapy» of the Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, private psychotherapist, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4694-3947>, e-mail: psy.marina.tom@yandex.ru

Получена 15.06.2023

Received 15.06.2023

Принята в печать 26.08.2023

Accepted 26.08.2023